

Гетеротопии потустороннего в снах о покойниках (на западнопричудском материале)

Анжелика Штейнгольд

Тартуский университет
Тарту, Эстония

На первый взгляд, ключевое словосочетание, вынесенное в заглавие настоящей статьи, – *гетеротопии потустороннего*, кажется плеонастичным. Действительно, термин *гетеротопии* буквально означает «иные места» (в англ. пер. *different/other places*), и именно в таком значении он был введен в оборот М. Фуко и его последователями (Foucault 2008: 17; Харламов 2010). *Потусторонняя реальность* всегда ассоциировалась для человека с неким *пространством*, расположенным «по ту сторону» бытия. Таким образом, она «пространственна» по определению. Помимо этой особенности, ей, безусловно, присуща некая «инакость», отличающая ее от данности. Несмотря на то что это пространство не дано человеку в прямом физическом ощущении, во многих традиционных культурах оно представляется таким же реальным, как и пространство видимого мира. Формирование мифологии потусторонности нередко происходит под влиянием культуры «сно-видения» (Панченко 2002, Сафронов 2004).

Как будет понятно из дальнейших рассуждений, выбор нашего ключевого выражения в связи с рассмотрением определенной категории снов о покойниках отнюдь не случаен: пространство «инобытия» предстает в них и как некая абстракция, доступная воображению, а точнее сознанию сновидца (ср. с фукольтианским определением *утопии*)¹, и как набор «иных мест» – ограниченных, но взаимно пронизаемых пространств, характеризующихся чертами физической конкретики, что близко к понятию *гетеротопий* (Foucault 2008: 17). Хотя картины «того» света в разных снах отличаются, им присущ определенный архетипизм.

¹ “Utopias are emplacements with no real place” (Foucault 2008: 17).

Настоящая статья не представляет собой развернутого исследования на заявленную тему: в нашу задачу входило выявление типов пространств в снах о покойниках и, по возможности, установление их характеризующих черт.

В качестве материала исследования были использованы рассказы о сновидениях, записанные в Западном Причудье литовскими учеными Ю. Новиковым, Н. Морозовой, М. Романовой в ходе фольклорной экспедиции 2006 г. (ЧудПр), а также аудиозаписи, сделанные преподавателями кафедры русского языка Тартуского университета, начиная с 2003 г. и до настоящего момента (ФАНР). Поскольку рамки статьи не могут вместить всего иллюстративного материала, мы ограничились лишь самыми показательными примерами.

В повседневной жизни староверов Эстонии, культивирующих развитую похоронно-поминальную обрядность и духовно сосредоточенных на проблемах загробной участи души (Евстратова 2007), сны с участием покойных родственников играют заметную роль. Такие «встречи» с покойниками надолго остаются в памяти реципиентов; они обсуждаются, истолковываются в кругу семьи и среди односельчан. Все это в определенной степени способствует упрочению фольклорного статуса данных нарративов, консервации их образности и мифогенности. Сообщая о своем сне, рассказчик подчеркивает его запоминаемость, яркость, реалистичность: *это сон был, но я как не спала; как наяву было*. Аналогичные средства лексической оформленности отмечены в записях С. В. Хотиной, Е. В. Сафронова: *все сны помню; никогда не забуду* (Хотина 2003; Сафронов 2004). События сновидения в сознании говорящего отличаются не просто налетом реализма – они осмысляются как свершившийся факт, хотя и относящийся к другой плоскости бытия. Сновидческие опыты не воспринимаются носителем местной культуры как нечто аномальное, но, напротив, расцениваются как нормальный «обмен информацией» между двумя реальностями. Отметим, кстати, что к аналогичному выводу пришли Ж. В. Кормина и С. А. Штырков, проводившие свое исследование на севернорусском материале (Кормина, Штырков 2001: 211).

Наше предварительное исследование показало, что все сны о «встречах» с покойниками можно разделить на две категории, в зависимости от того, кто – покойник или сновидец – является инициатором «встречи» в пространстве сна. На возможность подобного разграничения рассказов о сновидениях справедливо указал Е. В. Сафронов (Сафронов 2004). Для наших целей важно, что сны этих двух типов по-разному ориентированы на изображение пространства.

I. Большую часть снов составляют те, которые иницированы покойником. В них он «приходит» к родственникам и просит о чем-то существенном для себя (например, требует поминания, пищи, питья, какой-нибудь вещи: это может быть теплый платок, саван, бутылка водки и даже вставная челюсть), выражает готовность оберегать живых и заботиться о них, предсказывает будущее и т. д. Такой тип сновидений уже обращал на себя внимание фольклористов и этнологов (Лурье, Черешня 2000; Кормина, Штырков 2001; Амосова, Николаева 2006; Хотина 2003; Сафронов 2005,

2008), и наши наблюдения находятся в русле сделанных ими открытий. Однако важно указать, что сновидения этого типа ориентированы на определенный «диалог» покойного родственника с представителем мира живых. А вот изображение «того» света совсем не является предметом этих сновидений. Усопший «приходит» к живым в будничной обстановке, совпадающей с пространством яви, – точнее, являющейся ее зеркальным отображением. В качестве локусов «встречи» выступают жилые и нежилые помещения родного дома и примыкающие к нему пространства (кухня, спальня, лестница, чердак, коридор, сад и т. д.). Рассказчик обычно подчеркивает, что покойник «явился» *как наяву*. Это одновременно означает и силу впечатления, полученного им от сна, и то, что «встреча» произошла в естественной, домашней обстановке (например, в тот момент, когда вся семья собралась за обеденным столом, или каждый был занят своим делом). При том что действия покойника в рассказах этого типа подробно не описываются, константным является использование нарратором разных грамматических форм глагола *приходить/прийти* (*пришел, приходит, придет*) в прямом и расширенном смыслах (то есть как знак ситуации в целом). Могут встречаться и другие выражения, убеждающие нас в том, что при некоторой общей «скованности» в действиях, покойник в снах этой разновидности все-таки способен двигаться, менять положение тела в пространстве (ср.: *пришёл, лёг, обнял, появляется, рубашка... под мышкой – 2; уйду, ушёл, зашёл, пропал – 9*). Он также сохраняет способность говорить. Все это в целом характеризует его как отчасти «живого» человека.

Ниже в качестве иллюстративного материала приводятся выдержки из рассказов староверов Причудья о своих/чужих сновидениях.

1. *Вот тут один утонул, и бедный, привели <то есть привезли> его, в речке где-то нашли и зарыли, ну просто как в чём был: в чёрном мешке привели, так его и зарыли. И он одной пришёл во сне и говорит: «Я такой голый, такой голый». Так одна яна собрала <вещи>, и вот, хоронили другого и положили ему в гроб. Говорит: «Пусть он оденется» (В. Е. П., 2006, ЧудПр: 190).*

2. *Да, приснился один раз сон такой, что... пришёл <покойный муж>. Лёг на койку, на диван ко мне – я на диване сплю – ну и ляжёт. Правда, тот раз он так – я и не чувала, не видела, как он пришёл, – а только чувю, что он мянэ рукой вот так, к стенке лёг и так рукой обнял. Я не вижу ягó, но чувю, что это он – больше никто, что пришёл ён. И я встала. А на гвоздю висела рубашка евоная, клёткам, фланёлева рубашка. <...> Я встала и ушла в соседке. <...> Сижу в соседкой говорю в комнате, и вдруг появляется он, как кака-то... как с ямы какой-то – дъверь такая, как в ямы. И вы представляете? Эта же рубашка, которая висела на вешалке, под мышкой! Вот так под рука́м <...>. Я говорю: «Зачем ты пришёл-то, и рубашка-то эта взята?» Потом всё проснулася, и я потом эту рубашку оттуда сняла и убрала. Думаю: «Ну пусть она в глазах там и не висит». Надо было отдать, да всё, а так как-то она была не выстирана и всё... (Е. В. К., 2008, ФАНР).*

3. *<В> Троицу все ожидают подаяния, так все такие довольные – праздник. Покойники все ждут. Если попробуй, не помяни их, и если не подашь по ним... Так эти, которым не подали, так вот они... Эти-то едят, наевши, напивши, а которым не*

подали, так они по полу крохотки собирают. Я всегда стараюсь пораньше отмолиться. Если не отмолилась, то всегда сон вижу: маму, папу вижу. Сразу-разу вижу и думаю: «Ай-яй-яй!» <...>. А сейчас я ведущая, я молюсь, <...> и они <покойники> знают и они мне не снятся. А если будут снятся и будут приходить, то чем-то недовольны. <...> Покойник у ворот не стоит, а своё спросит. И если ты не подашь, то всё равно от тебя вырвется в десять раз больше (Х. И. Т., 2006, ЧудПр: 198–199).

4. <Покойник приходит> когда не по обряду похоронишь... Вот, свекровь, ну, моего папы мама. Вот, она умерла, и ей повойник не одели. Платок-то они одели, а косыночку забыли. И моя мама, как видит её во сне, и всегда она с голой головой. <...> Кто-то тоже сказал, что возьмите этот платок и снесите, заройте туда (Х. И. Т., 2006, ЧудПр: 200).

5. Вот кто-то недавно говорил, что пришла <покойница> и сказала, что в платке: «Почему, говорит, меня в тонком платке похоронили, что мне так холодно...». Потом носили, закапывали в могилу другой платок (М. В. П., 2006, ЧудПр: 200).

6. Жоржику, по-моему, саван закапывали в могилу. Что-то, говорит, он пришёл во сне, что-то сказал; саван закопали (А. Н. Б., 2006, ЧудПр: 200).

7. Она в больнице умерла, и <...> не одели ей что-то, вот этой молодой девушке. И она вот так долго снилась; и отрывали, и одели её, как положено, да. Но не знаю, вот это правда, ай нет, вот в деревне Рая муж тоже вот... Мужчину очень выпивал и жене всё время приказывал, что «Умру, мне бутылку водки и пачку сигарет», да. А вот он всё время к ей ходил во сне (Е. Е. Т., 2006, ЧудПр: 245).

8. Вот у нас был случай; брат моего мужа был женатый на советской, ну... на «русманке»², как говорится у нас в деревне. И вот, когда он умер, <...> и он приснился ей во сне и говорит: «Грушка! У меня очень всего много, но полка высоко, мне не достать». И вот она себе сделала вывод, что вот она не нашей веры, и подаёт, значит – Феде не достать (А. А. К., 2006, ЧудПр: 245).

9. Геннадий мой <сын> отца сразу видел как-то <после смерти>. Мы сидели все на кухне, и он пришел. Гена говорит: «А ты зачем пришел?» – «А я пришел вас посмотреть. Ты, говорит, не расстраивайся, я уйду». <...> Приснилось. Как наяву, говорит, пришел папа, да. И, говорит, еще раз напомнил: «Ну, уходи». – «Ну, я уйду, я только хотел посмотреть вас». Ушел. И Гена еще вышел за ним в коридор и вот, го<во>рит: «Мама, за эту яблоню как-то зашел и всё, и пропал» (Е. Е. Т., 2006, ЧудПр: 246).

10. Мне приснилась покойная свекровушка. <...> И я читала по ей псалтырь. И вот вижу сон: читаю. И вдруг – ей <покойнице>, видно, не понять, кто читает, она начинает голову поднимать. <...> И вдруг вижу: она начинает садиться. Я бежать. <...> Я прибяжала вот так в угол втиснулась <...>, а свекрова уже передо мной. Вот так махаю и говорю: «Угоните вы её, шчо она с мяня хочет?» А она мне явственно так сказала <...>: «Доченька, не брыкайся, всё равно этот угол³ твой. И ты будешь здесь. Не надо так» (Е. Ф. Г., 2005, ФАНР).

11. Павлика похоронили, и, наверно, через три-четыре дня я вижу сон. Вижу своего

² Зап.-причуд. русманка – жительница России.

³ Образ угла в сознании рассказчицы получает символическое осмысление. Выражение покойной «это угол твой» толкуется молодой женщиной как предсказание ее будущей судьбы. Выданная родителями замуж не по любви, она постепенно смиряется с тяжелыми жизненными обстоятельствами и чужим ей домом (углом).

мужа... А тута такая высокая лестница, как деревянная, как под самое небо. Он мне говорит: «Ты туда не ходи, ты там не живёшь. Иди домой». А я и говорю: «А чего ты-то сидишь, иди ты ко мне домой, я же одна!» А он мне и говорит: «Не волнуйся, я про вас всё знаю. Ко мне приходят и говорят» (А. А. К., 2006, ЧудПр: 246).

12. У мамы был брат Иван, он погиб на войне. <...> Я его не видела ни разу, когда он ушёл на войну. У нас была труба там плохая, и когда топится, так немножко дым шёл так с трубы. <...> И мы всё боялись, что не дай Бог будет, что там загорится или что. А мне приснился сон, что этот дядя Ваня... Я пошла на чердак туда, <...> а он около трубы стоит, говорит: «Не бойтесь, я вас охраняю» (Г. И. У., 2006, ЧудПр: 247–248).

II. Значительно менее объёмную группу составляют сновидения, инициируемые сновидцем. Их действие «опрокинуто» в иную реальность: представитель «этого» мира попадает в пространство «инобытия», чтобы узнать, как «живет» покойный родственник. В качестве провожатого на «том» свете может выступать кто-то из окружения покойника (маленькая девочка, старушка, знакомый покойник). О нацеленности этих снов на обмен вербальной и невербальной информацией свидетельствуют разные признаки, начиная с традиционных слов «гостя»: «Ну как ты тут живешь?», и заканчивая картинками потусторонней действительности, которые сами по себе являются образным ответом на поставленный вопрос (светлые и уютные помещения оцениваются сновидцем положительно, а мрачные, закрытые, узкие, ограниченные пространства – отрицательно). Сны данной категории могут содержать и другие элементы, присущие категории I: например, прямые или косвенные просьбы о пище, питье, одежде (*это всё сухомытка, что она ест, ей бы супа* – 16), мотив приглашения (17).

Однако идейным центром, организующим действие снов данного типа, является не «диалог», а само пространство «инобытия».

В снах II-ой категории «тот» свет может изображаться рассказчиком с поразительной детальностью. Он находится где-то высоко, что выражается в актуализации движения по вертикали вверх: *автобус всё поднимается в гору, выше и выше* – 15; *верхний этаж стеклянный; какой-то вот <...> не ступни⁴, как я цепляюсь, чтобы туда войти* – 16; *поднимаюсь я, прихожу* – 18. Получающая образное воплощение идея движения вверх при пересечении границы двух «миров» иногда характерна и для сновидений первого типа: *высокая лестница, как деревянная, как под самое небо* – 11.

Ландшафтные «зарисовки» в снах второго типа крайне редки, но в некоторых случаях «тот» свет подобен райской действительности (*дома красивые такие, как желтые, стоят и солнце светит, так красиво* – 15; *деревья, солнце яркое, птицы поют; лужайка <...> такая светлая, как золотистая* – 18). Солнечный свет и яркие краски (с очевидным преобладанием желтого, золотистого) характерны для наиболее «светлых» сюжетов.

⁴ Зап.-причуд. – ступени.

Однако гораздо более частотны картины городского пейзажа и отдельных архитектурных сооружений, напоминающих многоквартирные дома, общежития, больницы (*как общежитие <...>, вот, коридор и комнаты* – 16). Их внутреннее пространство поделено на небольшие площади (комнаты), в которых ютятся насельники «того» света. Невольно на ум приходят фукольтианские «гетеротопии кризиса» или «гетеротопии отклонения» типа интерната, армейской казармы, госпиталя, тюрьмы, дома престарелых и т. д. (Foucault 2008: 17–18). Таким образом, мы видим, что сны данного типа фиксируют закрепленное на подсознательном уровне представление сновидца о специфическом локусе «обитания» покойников – особого, «иного» народа. Поведение покойников отлично от человеческого (как, впрочем, и их сущность), поэтому каждый представитель «того» света помещен в отдельную пространственную «ячейку» (модель улья).

Обстановка «комнат» отличается спартанской простотой (*диванчик; комнатка <...> вагонкой обшита; «лампочка Ильича»* – там же), но иногда в описаниях присутствуют приметы материального «достатка» (*кровать широкая стоит здесь, телевизор; стены обложены кафелем, и с каждой кафелины голубенький цветочек* – 15). Важным показателем посмертного благополучия покойного является наличие отсеков, кладовых, в которых хранятся съестные припасы (13, ср. также 8), что усиливает внутреннее дробление пространства. Уровень материального достатка, по мнению сновидца, является значимым признаком посмертного состояния души: чем больше примет благосостояния покойного, тем глубже удовлетворение сновидца.

Как кажется, важным показателем пространства является сама возможность осуществления участниками сна движения и принятия ими различных положений. В отличие от снов первого типа, здесь покойник *всегда* находится в статичном состоянии (лежит, сидит, ср.: *он в могилы лежит живой* – 14; *он лежит так посеред, али на кровати, руки за голову* – 15; *сидит один ребёночек в стороне* – 18 и т.д.), при том что иные «действующие лица» способны передвигаться. Например, перемещается «проводник», указывающий «местожительство» покойного, и, конечно же, сам «гость», что на лексико-грамматическом уровне выражается в использовании глаголов с семантикой движения в форме 1 л. ед. ч. (*еду, пришла, открыла, села* – 15; *иду, ишу, захожу, цепляюсь, выхожу* – 16; *поднимаюсь я, прихожу* – 18).

В связи с тем, что для характеристики покойного в контексте «той» реальности рассказчик преимущественно использует стальные глаголы, уместно привести точку зрения П. А. Сафронова, в соответствии с которой «гл. *лежать, сидеть, стоять* обозначают своеобразный тип действия, которое одновременно и присутствует и отсутствует. Они требуют какой-то деятельности, но деятельности пустой, лишенной видимого результата, даже карикатурной» (Сафронов 2008: 225). Как показывает автор, в повседневных речевых практиках, помимо определенных топологических конфигураций, эти глаголы могут обозначать своеобразные, нередко негативно коннотированные, действия и состояния. В рассматриваемых типах повествований эти глаголы также используются не случайно, а с целью передачи физического и ментального застоя «одушевленных» объектов.

Отметим присутствие в этих описаниях выражений, характеризующих размер, направление движения и другие физические показатели объектов, а также их взаимное расположение (*автобус всё поднимается в гору, выше и выше; кровать широкая; за дверь так стоит, здесь телевизор; он лежит так посерёд, али на кровати – 15; я как выхожу в другую дверь, там такая старушка ходит – 16*). Из этого можно заключить, что пространство «инобытия» устроено аналогично пространству яви. Отличие первого от второго можно усмотреть в том, что при наличии признаков внешнего по отношению к покойнику движения, полностью отсутствует его собственная подвижность. Всякое «внутреннее» душевное движение также сведено к нулю. Так, даже самым благополучным «сюжетам» присущ оттенок грусти. Покойник не проявляет эмоций, не улыбается и тем более не смеется («*Ирушка, ну как ты живешь?*». *Она так пожала плечами и сказала: «Ничего...» – 16; «Как хорошо! Живи ты здесь». А он говорит: «Да, хорошо, говорит, а все домой хотят». Вот так сказал мне, так печально – 15; дети радуются, смех детский, всё... А смотрю – сидит один ребёночек в стороне – 18*).

Отметим также способность «той» реальности «переворачивать» явления «этого» мира. Некоторые повествования содержат архетипический мотив посмертного преобразования. В первую очередь он касается изменения состояния души человека (*сестра, а я очистился – 14*). Иногда посмертная метаморфоза оборачивается переменной имени (его элиминированием) или социального статуса человека (*«брат» как в царстве жил; он теперь не Арсений, он теперь князь Александр – 15; и по имени я его назвать не могла; ты меня не покрестила, и имени у меня нет – 18*). Вместе с тем, тождество «того человека» «этому человеку» иногда также акцентировано (*какая здесь была добрая, такая и там осталась добрая – 13*). Проследим это на конкретных примерах.

13. *Помню, у нас как время было такое, по талонам всё давали – и сахар, и мука там; в Таллине я жила. А она <сестра брата> умерла вот в это время. Потом вот вижу я ее во сне, она мне показывает кладовку свою. Она была такая простая: вот придешь, так она хоть чем-нибудь да найдет чем-то угостить, гостеприимная. Пришла я к ней, она говорит: «Вот смотри, у меня всё...». У нее всего-всего в этой кладовке! Я говорю: «Лиза, а у нас-то по талонам теперь всё...». Значит, какая здесь была добрая, такая и там осталась добрая, да.*

14. *«Рассказчица сообщает о своем посещении смертельно больного брата в больнице и о его просьбе донести до палаты кувшин с водой». И как-то я про это забыла. А потом, когда уже после смерти я увидела его, и смотрю – он в могилы лежит живой. Я говорю: «Ваня, ну ты же мертвый!» Ну, на нем грех был, знаешь, такой большой; я не хочу это говорить, пусть это останется моей тайной. И я говорю: «Ну, как ты живешь и где ты находишься? Ведь ты такой, ну, грешный». А он мне и говорит: «Сестра, а я очистился». <...> И я подумала про себя, что он, наверно, и воду просил, чтоб мог с себя <грех> смыть перед смертью (М. И. К., 2006, ЧудПр: 243–244).*

15. *А брата я видела во сне, так это он, как в царстве, жил. Еду как будто к ему в гости, и этот автобус всё поднимается в гору, выше и выше. И вдруг такое место: дома красивые такие, как желтые, стоят и солнце светит, так красиво! Пришла в*

дом и говорю: «Где здесь Арсений живет?» Его Арсений звали. <...> «Нет, он теперь не Арсений, он теперь князь Александр». Ну, и теперь девочка такая маленькая пришла и повела меня. Пришла я в комнату. Так дверь открыла, а за дверью так кровать широкая стоит, здесь телевизор. <...> Стены обложены кафелем, и с каждой кафелины голубенький цветочек. А он лежит так посеред, али на кровати, руки за голову. Я так села к нему; он говорит: «Зачем ты-то пришла?» Я говорю: «Да поглядеть, как ты живешь». Я говорю: «Как хорошо! Живи ты здесь». А он говорит: «Да, хорошо, говорит, а все домой хотят». Вот так сказал мне, так печально. <...> Как будто он с работы отдыхал, пришел, на кровати лежит (Г. И. У., 2006, ЧудПр: 250).

16. Вы знаете, такой у меня был сон, вот как вещей. Приснилось мне, что я в городе, иду и <...> ищу, где она <покойная> живет. <...> Мне сказали: «А, Ира вот там живет». Как будто вот дом тоже пятиэтажный, но верхний этаж стеклянный, из стекла. И как я туда вот захожу, и какой-то вот ... не ступни, как я цепляюсь, чтобы туда войти. И захожу, и вот один... вот тоже у нас умер, как будто вот его комната. Так вот, как общежитие, понимаете, вот, коридор и комнаты. <...> «А, Ира? А Ира вот здесь напротив». И я захожу, типа, вот такая комнатка, но вся вот как... как вагонкой обшита. Вот, «лампочка Ильича» горит, и диванчик — она сидит на диванчике, и вот, синее платье. Я и говорю: «Ирушка, ну как ты живешь?» Она так пожала плечами и сказала: «Ничего...». Я и говорю: «А кто тебе в магазин ходит?» Она вот сказала: «Наташа Фролова». <...> И вот, я как выхожу в другую дверь, там такая старушка ходит <...>. Она сказала, что <...> это всё сухомытка, что она ест, ей бы супу. И на этом я проснулась Вы знаете, мне было не по себе это. Я вот наварила борща. У нас такой вот здесь Петя есть, <...> вот налила большой кувшин вот этого борща и принесла и говорю: «Петя, ешь, я тебе супу принесла». Вот, говорят, обязательно надо подать <беднякам или нищим> <...> (А. М. Р., 2006, ЧудПр: 252).

17. Вот, у меня мужа сестра там, в Таллине умерла <...>, и сегодня даже видела её во сне, что она звала меня к себе, говорит: «Приходи, у меня столько места!» А я так посмотрела и говорю: «Ой, мне не нравится твоя квартира...». Ещё не хочу к ней идти (Г. И. У., 2006, ЧудПр: 249).

18. А это я вам рассказала сон, как сама мать видела. Которая вот схоронила некрещёного ребёночка, и, говорит, вижу сон. Поднимаюсь я, прихожу: как такой сад большой, говорит, деревья, солнце яркое, птицы поют. И дети играют. Лужайка, говорит, такая светлая, как золотистая. И, говорит, все дети радуются, смех детский, всё.. А смотрю — сидит один ребёночек в стороне. Я, говорит, присмотрелась: смотрю — мой. <...> Она говорит, да и по имени я его назвать не могла <...>. А смотрю — мой мальчик сидит. Я его зову: «Почему ты не с этими детьми?» А он говорит: «Так, мама, я не могу с ними; ты ж меня не покрестила, и имени у меня нет» <...> (М. И. К., 2006, ЧудПр: 197).

ВЫВОДЫ

1. Сны с участием покойников распадаются на две группы в зависимости от того, какая сторона («тот» / «этот» свет) является инициатором «встречи».

2. Первая группа сновидений обладает большим количеством модальностей и мотивов, чем вторая. Покойник в них «является» к живым, чтобы заставить их удовлетворить какие-то его «насушные» потребности.

3. «Язык» сновидений второй категории более символичен. В ярких образах они раскрывают сновидцу посмертное состояние души усопшего родственника.

4. Пространство снов первого типа близко пространству яви. Покойник «посещает» близких в домашней обстановке, сам он сохраняет, хотя и в ограниченной степени, способность к перемещению.

5. Сны второго типа содержат изображения «того» света глазами сновидца. Покойник в них помещен в небольшое замкнутое пространство, лично пассивен, круг его пространственных проявлений весьма узок (сидит, лежит). Несмотря на то что «гость» в этих снах не обладает полной свободой действий, все-таки данный тип сновидений близок так называемым осознаваемым сновидениям или загробным «путешествиям», широко практикуемым в шаманистических культурах. Именно эту категорию снов имел в виду Вауд Краке, утверждая, что «сны могут стать уникальными окнами в потустороннюю реальность и источником мистических знаний» (Kracke).

Если попытаться взглянуть на приведенный материал с позиции концепции пространства М. Фуко, то можно сказать, что сны обеих разновидностей демонстрируют накладывание утопических и гетеротопических принципов. Пространство сна, «как то место, где меня нет», безусловно, утопично. С другой стороны (и в особенности это показательно для снов второй разновидности, рисующих «объективную» потусторонность, воспринимаемую сновидцем с разных ракурсов), пространство сна в целом и отдельные его формы достаточно реалистичны, внутри себя непротиворечиво организованы, повторяют физическое устройство «этой» реальности. Однако «инобытие» все-таки допускает преломление наших пространственных представлений: попадание на «тот» свет сопряжено с движением не по горизонтали вперед, а по вертикали вверх; «там» возможна также другая телесность (а точнее – бестелесность), особые статичные, безэмоциональные модели поведения, перемаркировка свойств «этого» мира. «Инобытие» копирует жизнь на формальном уровне (солнечный свет, деревья, пение птиц, дома густо населены людьми; встречаются даже отдельные намеки на то, что покойники работают, отдыхают, питаются, ходят в магазин), но оно не является жизнью по сути: «там» нет событийности, «обитатели» потустороннего мира абсолютно пассивны (сцены их личной жизни или социальной деятельности отсутствуют) и эмоционально безлики.

ЛИТЕРАТУРА

АМОСОВА, С. Н., НИКОЛАЕВА, С. В., 2006. Сны об умерших в еврейской и славянской традициях. На материалах экспедиций в г. Тульчин. *Ил:* БЕЛОВА, О. В., отв. ред. *Сны и видения в славянской и еврейской культурной традиции:* Сб. статей. Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; Институт славяноведения РАН (Академическая серия, вып. 19). Москва, 93–115.

- ЕВСТРАТОВА, С. Б., 2007. Староверы Причудья о душе. *Ип*: КЮЛЬМОЯ, И. П., отв. ред. *Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика X. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. II*. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 112–125.
- КОРМИНА, Ж. В., ШТЫРКОВ, С. А., 2001. Мир живых и мир мертвых: способы контактов (два варианта северорусской традиции). *Ип*: ПЛОТНИКОВА, А. А., отв. ред. *Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы*. Москва: Индрик, 206–231.
- ЛУРЬЕ, М. А., ЧЕРЕШНЯ, А. В., 2000. Крестьянские рассказы о сбывающихся снах. *Ип*: ЛУРЬЕ, М. А., ред.-сост. *Традиция в фольклоре и литературе: Статьи, публикации и методические разработки преподавателей и учеников Академической гимназии Санкт-Петербургского государственного ун-та*. Санкт-Петербург, 275–311.
- ПАНЧЕНКО, А. А. 2002. Сон и сновидение в традиционных религиозных практиках. *Ип*: ХРИСТОФОРОВА, О. Б., сост., НЕКЛЮДОВ, С. Ю., отв. ред. *Сны и видения в народной культуре: Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты*. Москва: РГГУ, 9–26.
- САФРОНОВ, Е. В., 2004. Сновидение как «пограничье». *Ruthenia. Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. Осенняя школа по семиотике фольклора – 2004*. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/safronov1.htm> [см. 20 03 2014].
- САФРОНОВ, Е. В., 2005. Рассказы о снах как фольклорный жанр. *Ruthenia. Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. Весенняя школа – 2005. Мифология как система*. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/safronov2.htm> [см. 20 03 2014].
- САФРОНОВ, Е. В., 2008. *Рассказы об иномирных сновидениях в контексте русской несказочной прозы*. [Автореферат диссертации]. Ульяновск. Режим доступа: http://dis.podelise.ru/pars_docs/diser_refs/74/73752/73752.pdf [см. 20 03 2014].
- САФРОНОВ, П. А., 2008. Антропология пространства в русском языке. *Ип*: ВОЙТЕХОВИЧ, Р., отв. ред., ЙООНАС, Н., ред. *Русская филология 19: сборник научных работ молодых филологов*. Tartu: Tartu Ülokooli Kirjastus, 224–229.
- ФАНР – Фонд аудиозаписей народной речи жителей Западного Причудья. *Кафедра русского языка Тартуского ун-та*.
- ХАРЛАМОВ, Н. 2010. Гетеротопии: странные места в городских пространствах постгражданского общества. Рец. на кн. Michiel Dehaene & Lieven De Cauter, Eds. *Heterotopia and the City: Public Space in a Postcivil Society*. London: Routledge, 2008. *Ип*: ПЕТРОВСКАЯ, Е., гл. ред. *Синий диван. Философско-теоретический журнал*. № 15, Москва: Три квадрата, 189–197.
- ХОТИНА, С. В., 2003. Рассказы об общении с умершими предками и их значение. *Русский фольклор в современных записях*. Режим доступа: <http://www.folk.ru/Survey/Reports/2001-2008/hotina.php> [см. 20 03 2014].
- ЧудПр – МОРОЗОВА, Н., НОВИКОВ, Ю. *Чудное Причудье. Фольклор староверов Эстонии*. Тарту: HUMA, 2007.
- FOUCAULT, M., 2008. Of Other Spaces. *Ип*: DEHAENE, M. & DE CAUTER, L., eds. *Heterotopia and the City: Public Space in a Postcivil Society*. London; New York: Routledge, 13–29.
- KRACKE, W. H. Cultural Aspects of Dreaming. *Encyclopedia of Dreams*. Internationale Institute for Dream Research. <http://www.dreamresearch.ca/pdf/cultural.pdf> [accessed March 20, 2014].

СВЕДЕНИЯ ОБ ИНФОРМАНТАХ

- А. А. К. – Антонина Аверьяновна Кузнецова, дер. Варнья, 84 г.
А. М. Р. – Анна Максимовна Ремец, дер. Варнья, 71 г.
А. Н. Б. – Антонина Николаевна Богданова, г. Калласте, 69 л.
В. Е. П. – Варвара Евстигнеевна Пригожева, дер. Суур Колькья, 76 л.
Г. И. У. – Гликерия Иосифовна Ушакова, дер. Кикита, 70 л.
Е. В. К. – Евфросиния Васильевна Кузнецова, О-в Пийриссаар, дер. Межа, 72 г.
Е. Е. Т. – Евдокия Ефремовна Топкина, г. Муствез, 76 л.
Е. Ф. Г. – Евгения Филипповна Горина, дер. Вяйке Колькья, 74 г.
М. В. П. – Манефа Варфоломеевна Повилайтис, г. Калласте, 60 л.
М. И. К. – Миропия Ивановна Кивиорг, г. Калласте, 56 л.
Х. И. Т. – Хиония Ивановна Тихомирова, г. Калласте, 72 г.